

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.74.2>

ПОЭМА ДЖОНА ГАУЭРА CONFESSIO AMANTIS И СОЦИОЛИНГВИСТИКА ЛОНДОНА КОНЦА XIV ВЕКА

Научная статья

Савельев С.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7234-3286;¹ Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Российская Федерация

* Копирующий автор (saveliev.v.sergey[at]gmail.com)

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблемам социолингвистической рецепции и бытования англоязычной поэмы Джона Гауэра *Confessio Amantis* среди читающей публики Лондона XIV века. Предполагается, что диалектные особенности поэмы Гауэра, а также история её создания стали одной из причин её ограниченной популярности на фоне Кентерберийских рассказов Джеффри Чосера. Значительное внимание уделяется анализу и интерпретации лингвистических характеристик манускрипта и социолингвистическому контексту бытования копий манускриптов Джона Гауэра. Сравнение языка *Confessio Amantis* с «Кентерберийскими рассказами» Джеффри Чосера и «Законами и обычаями больницы Св. Лаврентия» — ключевого памятника кентского диалекта среднеанглийского языка позволяет утверждать, что литературное наследие Гауэра при его жизни и некоторое время после его смерти имело статус авторитетного образца правописания и словоупотребления, который, впрочем, не стал основой для формирования национального стандарта английского языка в XVI веке.

Ключевые слова: Джон Гауэр, Джеффри Чосер, средневековая английская литература, *Confessio Amantis*, лондонский диалект, рикардская литература, средневековая читательская культура.

JOHN GOWER'S POEM CONFESSIO AMANTIS AND THE SOCIOLINGUISTICS OF LATE XIV-CENTURY LONDON

Research article

Saveliev S.V.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7234-3286;¹ State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russian Federation

* Corresponding author (saveliev.v.sergey[at]gmail.com)

Abstract

This article is devoted to the problems of sociolinguistic reception and circulation of John Gower's English-language poem *Confessio Amantis* among the reading public of XIV-century London. It is assumed that the dialectal traits of Gower's poem, as well as the history of its creation, were among the reasons for its limited popularity compared to Geoffrey Chaucer's *Canterbury Tales*. Much attention is paid to the analysis and interpretation of the linguistic characteristics of the manuscript and the sociolinguistic context of the distribution of copies of John Gower's manuscripts. A comparison of the language of *Confessio Amantis* with Geoffrey Chaucer's "Canterbury Tales" and "The English Ordinance and Custom of St Laurence's Hospital" — a key monument of the Kentish dialect of Middle English — allows to claim that Gower's literary legacy during his lifetime and for some time after his death had the status of an authoritative model of spelling and word usage, which, however, did not become the basis for the formation of the national standard of the English language in the XVI century.

Keywords: John Gower, Geoffrey Chaucer, medieval English literature, *Confessio Amantis*, London dialect, Ricardian literature, medieval reading culture.

Введение

Джон Гауэр (John Gower), современник и, по некоторым свидетельствам, друг Джеффри Чосера, занимает в истории английской литературы особое, хотя и не всегда должным образом признанное место. Несмотря на значительный объём его наследия, представленного равновеликими произведениями на трех языках — *Vox Clamantis* на латыни, *Mirour de l'Omme* на норманнском варианте французского языка и *Confessio Amantis* на среднеанглийском языке — фигура Гауэра остаётся в тени его более яркого и популярного современника Джеффри Чосера. Как отмечает Джон Фишер, Гауэр долгое время воспринимался как второстепенная фигура по сравнению с Чосером, что привело к недооценке его влияния на формирование английской поэтической традиции [1, С. 96]. Исследования его творчества традиционно концентрируются на морально-дидактической направленности произведений, в особенности *Confessio Amantis*, однако его вклад в формирование и легитимацию английского литературного языка остаётся недостаточно изученным. В то время как внимание филологов и литературоведов часто приковано к лексической и стилистической новизне чосеровского английского, язык Гауэра — систематичный, сдержанный и пронизанный влиянием романских языков — представляет собой не менее значимый, хотя и иной вектор развития средневековой английской поэтики. Согласно Лин Арнер, выбор языка для своих произведений, который последовательно делает Джон Гауэр, отражает сложную культурную и политическую ситуацию XIV века, в которой классовый, социальный, политический и эстетический статус английского языка претерпевает существенные изменения [2, С. 12]. Именно эта особенность использования английского языка Джоном Гауэром, отражающая как лингвистические особенности эпохи, так и

особенности авторской поэтики, заслуживает более пристального внимания как важный фактор формирования национального своеобразия английской литературы.

Величественное надгробие Джона Гауэра в Саутваркском соборе, явным образом контрастирующее с дошедшими до наших дней надгробиями конца XIV столетия не оставляет даже у далекого от медиевистики человека сомнений в том, что упокоенный здесь человека был фигурой значимой. Традиционно особое внимание уделяется тому, что голова Гауэра покоится на «подушке» из трех книг, по количеству его главных работ: *Vox Clamantis*, *Mirour de l'Omme* и *Confessio Amantis*. В рамках данной статьи мы не будем подробно рассматривать данный факт, который весьма подробно описан в обзорных публикациях по биографии Джона Гауэра [3]. Нам доподлинно известно, что Гауэр входил в группу поэтов, которые были приближены ко двору как Ричарда II, так и сменившего его Генриха Болингброка, имел определённый вес в среде лондонских юристов и был заметным членом конгрегации очень влиятельной церкви Св. Марии в Саутварке. Таким образом, Гауэр, в современных терминах был представителем истеблишмента, как и его коллега по писательскому ремеслу и, возможно, друг Джефффри Чосер.

Если предположить, что Гауэр и Чосер писали бы в Великобритании XX века, то их творчество в языковом плане было бы примером «стандартного английского», свойственного высокообразованным людям их круга. При этом каких-либо заметных языковых отличий между ними бы не было.

В то же время, если мы посмотрим на творчество Гауэра в современном ему языковом контексте, то мы увидим, что его английский существенно отличается от английского Чосера и его современников. И это при том, что их социальная позиция можно назвать практически идентичным.

Таким образом, обращение к английскому языку *Confessio Amantis* позволит нам ответить на следующие вопросы: каков был характер рецепции устного и письменного английского Гауэра? Какова была реакция на манускрипты его произведений? Что рецепция языка и творчества Гауэра говорит нам о его месте и статусе в литературном процессе средневекового Лондона?

Методы и принципы исследования

Проблемы бытования английских произведений Джона Гауэра в настоящей статье изучаются в рамках комплексной методологии, включающей историческую диалектологию, предполагающую широкое использование данных «Лингвистического атласа позднесредневекового английского языка (LALME)», стратиграфические методы (в части анализа роли писцов в передаче диалектных особенностей *Confessio Amantis*), а также текстологическими методами, в частности, методом критики текста.

Основные результаты

Наличие в языке Джона Гауэра ярких диалектных черт отмечалось в самых первых академических изданиях *Confessio Amantis*. В частности Дж. Макалей на основе сравнительного анализа рифмы Гауэра и Чосера утверждает, что Гауэр вероятнее всего являлся носителем Кентского диалекта и, таким образом, связывает поэта Джона Гауэра с т.н. «кентскими Гауэрами» [4]. Дополнительным подтверждением того, что Гауэр был носителем одного из южных диалектов среднеанглийского языка является синкопа в личных формах глаголов настоящего времени в третьем лице, например: *berth* [bears], *stant* [stands] и т.п. В этой связи особенно показательна копия *Confessio Amantis* в манускрипте MS Fairfax 16, где есть и произведения Чосера, для которых синкопа в указанных глагольных носит скорее характер исключения, чем систематического употребления [5].

Опираясь на данные «Лингвистического атласа английского языка позднего Средневековья» и результаты сравнения [6] мы можем утверждать, что язык Джона Гауэра представлял собой смесь двух диалектов: кентского и саффолкского. В частности, сравнительный анализ двух версий *Confessio Amantis* (манускрипты MS Fairfax 16 и MS Harley 2378) показывает, что текст *Confessio Amantis* отличает две группы диалектных черт:

1) формы, наблюдаемые в текстах, написанных на кентском диалекте, в частности форма *oghne* для глагола «own» («обладать»), а также широкое использование синкопы в формах третьего лица единственного числа глаголов в форме настоящего времени, и в особенности слов на <ie>-, например: *hiere* «here» и «hear» («здесь» и «слышать»), *whiel* «wheel» («колесо») и т.п.; *seluer* «silver» («серебро»), *soster* «sister» («сестра»), *therwhiles* (*that*) «while» («в то время как»)

2) a group of forms co-occurring in late medieval texts from south-west Suffolk, notably формы, которые встречаются в позднесредневековых текстах, созданных на юго-западе Саффолка, в частности *or ... or* «either ... or» («или ... или»), *bothen* «both» («оба»), *zoue* «given» («дал»), <-h-> в *myhte* «could» («мог») (ср. с «might» в современном английском языке), *hyhe* «high» («высокий») и т.п.

Подобные случаи смешения разных диалектов в позднесредневековых английских текстах обычно предполагают две возможные интерпретации: либо это некая промежуточная форма языка (в данном случае — использование форм, свойственных для эссекского диалекта), либо мы имеем дело со своеобразным наложением более поздних диалектных форм на более ранние, которые могли быть типичны для автора текста или переписчика рукописи. Так как признаков эссекского диалектного материала в текстах Джона Гауэра нет, что делает подобную интерпретацию маловероятной.

Предположение о наложении более поздних форм на более ранние также не находит убедительного текстологического подтверждения: представляется, что три основных манускрипта, содержащих произведения Джона Гауэра — MS Fairfax 16, MS Harley 2378, MS Additional 59495 — следует воспринимать не как смешение диалектов разных переписчиков, а как единый корпус работ, написанных на одном идиолекте.

Более того, тезис о том, что некоторые формы в английских произведениях Джона Гауэра являются специфичными именно для него, находят дополнительное отражение в самой метрике произведений.

Современная логика бытования литературного произведения предполагает чтение «про себя» и наедине с собой, в то время как в Средние века «чтение» представляло собой в большей степени коллективное прослушивание зачитываемого вслух произведения. В частности, Джойс Колман обращает внимание, что *Confessio Amantis*

представляет собой классический пример поэтического произведения которое предназначалась для чтения вслух для группы слушателей, а его потенциальная аудитория — аристократия — в отличие от духовенства и небольшой группы образованных мирян, например юристы, в конце XIV века предпочитала скорее слушать литературное произведение, чем читать его в уединении [7]. Таким образом, письменный текст часто отражал особенности речи автора, в том числе диалектные. Данный тезис подтверждается наличием в *Confessio Amantis* таких конструкций как *or ... or* и *bothen*, свойственных для Суффолкского диалекта, а также конструкций *therwhiles that* и глаголов с синкопой, свойственных для Кентского диалекта.

Письменные свидетельства (долговые расписки, доверенности, реестры подушных податей) подтверждают наличие устойчивых связей Джона Гауэра с Кентом и юго-западным Саффолком. В частности это наличие обширных земельных владений в этом регионе с которых Гауэр получал ренту. Принимая во внимание, что Гауэр, как и Чосер, писал преимущественно для лондонской аудитории, что можно допустить, что его язык представлял собой скорее лондонский диалект с отдельными региональными чертами, которые, впрочем, вряд ли явно маркировали его как «провинциала».

Принимая во внимание, что Лондон XIV века хоть и уступал по размеру таким крупным экономическим центрам позднего Средневековья как Париж и Венеция, он, тем не менее был сравним с ними в языковом отношении. Так, Ванесса Хардинг отмечает, что Лондон во времена Гауэра и Чосера был весьма космополитичным городом, с высоким уровнем социальной мобильности, что находило своё отражение в наличии колоний иностранцев и широкого и параллельного использования (в том числе в документах) английского, французского и латинского языков [8]. В частности, Питер Акرويد отмечает, что Лондон XIV столетия отличал необычайный динамизм социальной жизни, высокий уровень социальной мобильности и нетипичную для остальной Англии демографическую картину [9]. В частности, типичный лондонец, особенно тот, основная деятельность которого была связана с торговлей и иной экономической деятельностью в районе Лондонского моста и таможни (тут очень показательны биографии как Джеффри Чосера, так и Джона Гауэра) был скорее всего приезжим, часто полиязычным [10], перемежавшим свою речь словами на всех известных языках. Применительно к языку Джеффри Чосера мы находим весьма любопытный тезис у Дэвида Барнли, который обратил внимание на невозможность четкой атрибуции «лондонских текстов» именно к Лондону и высказал предположение, что применительно к лондонским текстам мы имеем дело с комбинацией диалектных особенностей присущих разным регионам, что является доказательством того, что лондонский английский был смешанным языком. В этой связи интерес представляет скорее статус того или иного варианта языка [11].

Тезисы П. Акроида и Д. Барнли в значительной степени основываются на типологии Майкла Сэмьюэлса [12], который рассматривает динамику формирования нормы правописания, и, вводя термин «формирующийся стандарт» (англ. *incipient standard*), выделяет несколько типов письменной нормы, которые были специфичны для текстов определенных жанров, отдельных социальных групп в Лондоне. Сэмьюэлс выделяет несколько типов «стандарта письменной речи» — II, III, IV. Данные типы отражают специфику миграционных процессов и привнесение в лондонский диалект черт других диалектов английского языка и фиксируются в различных исторических памятниках. При этом Е. Хауген отмечает, что данные типы не были распространены за пределами Лондона, да и в самом Лондоне точный статус этих «стандартов» неизвестен [13].

Неочевидность статуса «формирующихся стандартов» особенно показательна на примере так называемого «Писца D» — ключевого автора копий произведений Джона Гауэра, Джеффри Чосера и Джона Ленгланда. Джереми Смит отмечает, что «Писец D», хотя и демонстрирует склонность к использованию диалекта юго-западной части центральных графств Англии (откуда он с высокой долей вероятности был родом), часто сохраняет в своих копиях рассматривавшиеся нами выше «гауэризмы», также подчас переносит их в принадлежащие его перу копии «Кентерберийских рассказов» [14]. Это позволяет говорить о том, что писцы, выполнявшие копии популярных произведений активно заимствовали диалектные особенности из переписываемых текстов, что, в свою очередь, подтверждает тезис об отсутствии какого-либо стандарта по крайней мере применительно к художественной литературе. В этой связи «писец D» очень показателен: приписываемые его авторству рукописи часто богато оформлены, что подразумевает высокий статус и благосостояние владельцев этих рукописей, но в текстологическом смысле они отражают не условный «лондонский стандарт языка», о котором мы писали выше, а именно примеры присущего именно Джону Гауэру словоупотребления.

Обсуждение

В связи с тем, что современная наука не располагает примерами устной английской речи эпохи Гауэра и Чосера и, соответственно, может только реконструировать его по письменным источникам. При этом основной акцент делается скорее на нетипичном словоупотреблении, например в «Рассказе мажордома» (*The Reeve's Tale*) в Кентерберийских рассказах Джеффри Чосера и в дополнении Джона Тревисы к своему переводу «Полихроникона», а не на лингвистических маркерах социального класса. Действительно, студенты с севера Англии в «Рассказе мажордома» занимают более высокое социальное положение чем Кембриджширский мельник, которого они обманывают. Только к XV веку во «Второй пастушьей пьесе» Уэйкфилдских мистерий мы увидим, что южные диалекты имеют более высокий социальный статус. В частности, вор Марк имитирует «южное наречие» («*Southern tothe*») чтобы выдать себя за королевского слугу.

Тем не менее, опираясь на современное понимание социолингвистических механизмов мы можем сделать вполне разумное предположение о статусе лондонских диалектов эпохи Гауэра. В частности, Джереми Смит предполагает, что именно такие контакты между диалектами разного статуса легли в основу Великого передвижения гласных в конце Среднеанглийского периода. В то же время собственно фонологические изменения редко представляют собой просто изменение словоупотребления. Особенности текстов конца XIV века позволяют утверждать, что речь идет скорее о постоянных мелких изменениях, привносимых аутсайдерами со слабыми социальными связями, которые пытаются

имитировать произношение, которое воспринимается ими как имеющее более высокий социальный статус, но при этом они не вполне понимают как именно надо имитировать такой акцент.

Тексты Джона Гауэра отличаются последовательным использованием форм *dede* (DID), *sihe* (SAW) *therwiles* (WHILE). Эти формы не типичны для «Кентерберийских рассказов». В то же время и Гауэр и Чосер систематически используют формы *sche* (SHE), *wher(e)* (WHERE), *after* (AFTER), которые не типичны для обычного словоупотребления той эпохи. Таким образом, на уровне лексики это был так называемый смешанный язык, который современники Гауэра скорее всего идентифицировали как старомодный, а не как пример конкретного диалекта.

Реконструкция произношения Гауэра по манускрипту MS Fairfax 16 предполагает рассмотрение как вокализма, так и консонантизма. В части консонантизма MS Fairfax 16 не содержит типичных для Кентского диалекта примеров правописания на «z». В части вокализма ситуация выглядит более любопытной, в частности MS Fairfax 16 демонстрирует специфическое для Кентского диалекта превращение [æ] в [e:] во всех случаях. Этот пример показателен так как в диалектах, которые восходят к Западно-саксонскому [æ] превращалось либо в [e:], либо в [ɛ:]. Очевидно, что современники Гауэра не владели этой информацией, а специфика произнесения Западно-саксонского [æ] — средне-открытое или средне-закрытое — не была ещё явным маркером статуса. Это можно связать с тем, что данная разница в произношении (пример Великого передвижения гласных) только начала появляться на севере Англии, а на юге уже существовала в той или иной форме. Таким образом, произношение Гауэра было для современников очевидно провинциальным, но при этом не вызывало заметного удивления.

Закключение

Важно отметить, что сравнение текста «Законов и обычаев больницы Св. Лаврентия» (наиболее яркого текста, написанного на Кентском диалекте ок. 1408 г), «Кентерберийских рассказов» и собственно текста «*Confessio Amantis*» показывает, что текст Гауэра утратил многие специфические для Кентского диалекта черты. Подобное стирание диалектных черт весьма показательно — в частности, копия *Confessio Amantis* в редакции манускрипта колледжа Св.Иоанна содержит черты, которые позволяют идентифицировать текст как написанный на Херефордширском диалекте, однако при сравнении данного манускрипта с более ранними текстами на этом диалекте подобная диалектная маркированность становится практически незаметной.

Анализ манускриптов *Confessio Amantis* показывает, что и писцы и наборщики первых печатных изданий Гауэра старались сохранять специфичное на Гауэра правописание, например, форму *oghne* для глагола *OWN* примерно до начала XVI века, когда использование подобных форм было нетипично. Причиной подобной «орфографической терпимости» была сама природа процесса стандартизации английского правописания. Этот процесс предполагал отказ от явно региональных и экзотичных вариантов правописания в пользу более усредненных, которые могли встречаться сразу в нескольких диалектах. Таким образом, отказ от региональной специфики в пользу более выигрышного в коммуникативно смысле варианта правописания привел к тому, что нестандартные формы правописания стали восприниматься как менее престижные.

Любопытно, что манускрипты *Confessio Amantis* являются в подавляющем большинстве точными копиями манускрипта MS Fairfax 16, что совершенно не типично для «Кентерберийских рассказов», которым свойственна большая вариативность. Таким образом, язык Джона Гауэра стал своего рода локальной нормой, в частности для копирования текстов Гауэра, которой придерживались копиисты его текстов.

Принимая во внимание, что XV столетие стало для писцов периодом поиска авторитетного образца словоупотребления и правописания, но не стандарта, выбор в пользу Гауэра был в целом понятен и обоснован. И несмотря на то, что свойственное Гауэру правописание не стало основой языковой нормы, именно его *Confessio Amantis* Бен Джонсон использовал в качестве источника цитат для своей «Грамматики английского языка».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Kirby T.A. John Gower: Moral Philosopher and Friend of Chaucer / T.A. Kirby // *Shakespeare Quarterly*. — 1966. — № 17. — P. 95–96.
2. Arner L. Chaucer, Gower, and the vernacular rising / L. Arner. — Massachusetts : Pennsylvania State University Press, 2013. — 198 p.
3. Echard S.A. A companion to Gower / S.A. Echard. — Cambridge : D.S. Brewer, 2004. — 286 p.
4. Macaulay G.C. The English Works of John Gower / G.C. Macaulay. — London : Oxford University Press, 1900. — 983 p.
5. Samuels M.L. Linguistic Evolution / M.L. Samuels. — Cambridge : Cambridge University Press, 1972. — 245 p.
6. McIntosh A. A linguistic atlas of late mediaeval English / A. McIntosh. — Aberdeen : Aberdeen University Press, 1986. — 183 p.
7. Coleman J. Public Reading and the Reading Public in Late Medieval England and France / J. Coleman. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 330 p.

8. Harding V. London Bridge: Selected Accounts and Rentals, 1381–1538 / V. Harding, L. Wright. — London : London Record Society, 1995. — 316 p.
9. Ackroyd P. London: The Biography / P. Ackroyd. — London : Chatto & Windus, 2000. — 822 p.
10. Савельев С.В. Английская средневековая политическая сатира в контексте становления национальной литературы / С.В. Савельев // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. — 2020. — № 2 (38). — С. 84–88.
11. Burnley J.D. A Guide to Chaucer's Language / J.D. Burnley. — London : Longman, 1983. — 196 p.
12. Samuels M.L. Some Applications of Middle English Dialectology / M.L. Samuels // English Studies. — 1963. — № 44. — P. 81–94.
13. Haugen E. Dialect, Language, Nation / E. Haugen // American Anthropologist. — 1966. — № 88. — P. 835–922.
14. Smith J.J. An Historical Study of English: Function, Form and Change / J.J. Smith. — London : Routledge, 2018. — 2nd edition. — 286 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kirby T.A. John Gower: Moral Philosopher and Friend of Chaucer / T.A. Kirby // Shakespeare Quarterly. — 1966. — № 17. — P. 95–96.
2. Arner L. Chaucer, Gower, and the vernacular rising / L. Arner. — Massachusetts : Pennsylvania State University Press, 2013. — 198 p.
3. Echard S.A. A companion to Gower / S.A. Echard. — Cambridge : D.S. Brewer, 2004. — 286 p.
4. Macaulay G.C. The English Works of John Gower / G.C. Macaulay. — London : Oxford University Press, 1900. — 983 p.
5. Samuels M.L. Linguistic Evolution / M.L. Samuels. — Cambridge : Cambridge University Press, 1972. — 245 p.
6. McIntosh A. A linguistic atlas of late mediaeval English / A. McIntosh. — Aberdeen : Aberdeen University Press, 1986. — 183 p.
7. Coleman J. Public Reading and the Reading Public in Late Medieval England and France / J. Coleman. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 330 p.
8. Harding V. London Bridge: Selected Accounts and Rentals, 1381–1538 / V. Harding, L. Wright. — London : London Record Society, 1995. — 316 p.
9. Ackroyd P. London: The Biography / P. Ackroyd. — London : Chatto & Windus, 2000. — 822 p.
10. Savel'ev S.V. Anglijskaya srednevekovaya politicheskaya satira v kontekste stanovleniya nacional'noj literatury' [Medieval english political satire and the shaping of english literature] / S.V. Savel'ev // Bulletin of State University of Humanities and Social Studies. — 2020. — № 2 (38). — P. 84–88. [in Russian]
11. Burnley J.D. A Guide to Chaucer's Language / J.D. Burnley. — London : Longman, 1983. — 196 p.
12. Samuels M.L. Some Applications of Middle English Dialectology / M.L. Samuels // English Studies. — 1963. — № 44. — P. 81–94.
13. Haugen E. Dialect, Language, Nation / E. Haugen // American Anthropologist. — 1966. — № 88. — P. 835–922.
14. Smith J.J. An Historical Study of English: Function, Form and Change / J.J. Smith. — London : Routledge, 2018. — 2nd edition. — 286 p.